

— Чжан Шуай, ублюдок ты паршивый!

Голос Ляня Чжиги гремел на всю канцелярию. Шэн Синъюань в этот момент как раз прижимал к себе Хань Жуя, пытаясь его успокоить. Услышав яростный рык, он поспешно отпустил парня и в несколько шагов преодолел расстояние до дверей кабинета.

Внутри Чжиги буквально буравил провинившегося Чжана Шуая бешеным взглядом, а тот испуганно вжимался в стену.

Синъюань нахмурился и шагнул за порог.

— Что стряслось?

— А ты у него спроси! — Чжиги ткнул пальцем в сторону товарища, едва сдерживая ярость.

— Чжан Шуай, в чём дело?

— Я... — Тот виновато поднял голову, пряча глаза. — Я... проговорил лишние две минуты.

Лимит на звонки домой у каждого новобранца был строго отмерен. Стоило одному затянуть разговор, как кто-то из идущих следом неизбежно лишался драгоценного времени. С момента призыва прошло больше месяца; жёсткие армейские будни выматывали парней, и каждый до боли хотел услышать родные голоса. Неудивительно, что Чжиги так взбесился.

— Командир отделения, я виноват перед Чжиги, честное слово! — взмолился Чжан Шуай, и его глаза подозрительно заблестели. — Но у нас в деревне телефон есть только у старосты. Пока отец до него добежал, пока отдышался... Я ведь почти и не поговорил с ним, честно!

Он вспомнил хриплое, тяжёлое дыхание отца, который, судя по всему, со всех ног мчался к старосте, едва слышал звонок. Сердце сжималось от жалости.

Синъюань посмотрел на парня. Поступок, конечно, свинский, но чисто по-человечески понять его можно было. Повернувшись к Ляню Чжиги, он попытался уладить конфликт:

— Ладно тебе. Давай так: я отдам тебе минуту от своего времени. Идёт?

Чжиги хоть и остался недоволен, но спорить не стал — лишь хмуро кивнул.

Синъюань вышел в коридор. Хань Жуй, который слышал весь этот спор от начала до конца, тихо произнёс:

— Командир отделения, заberi моё время.

Синъюань опешил.

— А сам как же?

— Я же говорил. Мне всё равно некому звонить. Зачем добру пропадать?

Синъюань пристально посмотрел на него, а затем крепко хлопнул по плечу.

— Спасибо, брат.

Те, кто уже успел поговорить с домом, столпились в коридоре. Они тихо переговаривались, делясь новостями, и лица их светились неподдельной радостью.

Лянь Чжигу, закончив разговор, виновато улыбнулся Синъюаню. Оказалось, он и сам в порыве чувств увлёкся и затянул беседу. В итоге на долю Синъюаня и Хань Жуя осталось жалких четыре минуты на двоих.

Синъюань затащил Хань Жуя вслед за собой в канцелярию. Остановившись у телефонного аппарата, он ещё раз переспросил:

— Точно не будешь звонить?

— Точно, — лицо Хань Жуя вновь сделалось холодным и безучастным.

— Ну, тогда я набираю.

Синъюань снял трубку и быстро защёлкал кнопками. Хань Жуй неловко отвернулся к окну.

— А ну иди сюда! — Синъюань бесцеремонно притянул его обратно за плечо. — Слушай меня внимательно: мой телефон — это твой телефон. Моя мать — твоя мать. Так что готовься, сейчас парой слов перекинешься с нашей мамой!

Щёки Хань Жуя мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем.

— Я... я не знаю, что говорить...

— Да ладно тебе, взрослый парень, а связать двух слов не можешь?

Договорить он не успел. Из динамика донёлся мягкий, бесконечно тёплый женский голос:

— Алло? Здравствуйте.

— Мама! Это я! — воскликнул Синъюань. Когда он учился в университете, вечные материнские звонки казались ему слишком навязчивыми. Но теперь, за тысячи километров от дома, посреди сурового армейского быта, тоска по семье накрыла его с головой.

— Синъюань? — ахнула на том конце провода мать. — Господи, сыночек, это правда ты! Как ты там, в части? Не мёрзнешь? Кормят хорошо? Мама так за тебя переживает...

Вопросы посыпались один за другим, и голос женщины заметно задрожал. У Синъюаня предательски защипало в носу, но он нарочито бодро рассмеялся:

— Мам, ну ты чего, не рада моему звонку? Давай только без слёз! Если я тебя под Новый год расплачу, отец же прилетит и шкуру с меня спустит!

— Глупости какие говоришь, негодник! — ласково пожурила его мать, и в её голосе послышалась улыбка. — погоди, я сейчас отца позову.

Слышно было, как она радостно зовёт мужа и младшего сына. Синъюань крепче сжал руку Хань Жуя и шепнул:

— Сейчас включу громкую связь, поговоришь с ними.

— Я правда не умею... — Хань Жуй растерялся ещё сильнее. Даже через шипение телефонной линии чувствовалось, насколько дружна и счастлива эта семья. Для него этот уютный мир казался чужим и непостижимым.

— Алло, Синъюань? — раздался в трубке глубокий, спокойный бас отца. — Как служба?

— Отлично, папа, прохожу суровую школу жизни! — весело отрапортовал Синъюань. — Знал бы ты, как я окреп за это время!

— Ну и славно, ну и молодец, — заметно повеселел отец. Он успел дать сыну ещё пару напутствий, как вдруг трубку бесцеремонно вырвали.

— Брат! Брат! Это я!

— Чжюань! Ну что, не хулиганишь там без меня? — с улыбкой спросил Синъюань.

— Брат, мне вообще-то скоро пятнадцать! Мог бы общаться со мной как со взрослым! — обиженно засипел ломающийся подростковый голосок.

— Ой, прости-прости, совсем забыл! Ты же у нас теперь солидный гимназист, извини за бестактность!

— То-то же! — буркнул Чжиюань, но тут же сменил гнев на милость и засыпал брата вопросами: — Слушай, а в армии круто? Ты сейчас где вообще? Я приеду к тебе! Расскажи, где ваша часть!

— Где я?.. — Синъюань заговорщически понизил голос, выдержал картинную паузу и выдал: — Секретная информация!

— Брат, ну так нечестно! — разорался в трубку подросток.

Хань Жуй, стоявший рядом, не выдержал и негромко прыснул.

— Опа, а это кто там у тебя? — Чжиюань так и прильнул ухом к трубке. Родители, стоявшие рядом, тоже заинтересовались: — Синъюань, ты там не один? Кто это?

Синъюань нажал кнопку громкой связи и громко объявил:

— Знакомьтесь, это мой боевой товарищ, Хань Жуй!

— Ой, товарищ! Здравствуйте, здравствуйте! — наперебой зазвучали голоса членов семьи Шэн.

Хань Жуй, окончательно смутившись, тихо произнёс:

— Здравствуйте... Дядя, тётя, здравствуйте. Привет, Чжиюань.

— Хань Жуй, верно? — ласково спросила мама Синъюаня. — С наступающим праздником тебя, сынок! Первый год служишь? Как тебе армейская жизнь, привык уже?

— Да, вполне привык, — ответил Хань Жуй. От этого простого, пропитанного искренней материнской нежностью тона у него самого подозрительно закололо в глазах.

— Сяо Хань, то, что вы из разных уголков страны попали в одну часть — это судьба, — весело добавил отец Синъюаня. — Помогайте друг другу, присматривайте там один за другим.

— Брат Хань Жуй! — вклинился в разговор Чжиюань, стараясь перекрычать родителей. — Пусть брат обязательно привезёт тебя к нам в гости! У нас тут куча крутых мест, я тебе всё

покажу, и еда у нас обалденная! Мы с тобой...

— Так, мелкий, брысь от телефона, — шутливо оборвал его Синъюань. — У меня времени всего ничего осталось, дай сказать главное.

Вся семья Шэн спохватилась — на таймере оставалось меньше минуты.

— Брат, я так соскучился! И папа, и мама, и бабушка — все безумно скучают!

— Я знаю, знаю! — быстро заговорил Синъюань. — Присматривай там за всеми. Я обязательно напишу письмо!

— Синъюань, береги себя! И ты, Сяо Хань, тоже! Одевайтесь теплее, на улице холодина! Если что-то нужно — сразу пишите нам!

— Хорошо, тётя, не переживайте, — искренне пообещал Хань Жуй. Перед этой безоружной родительской заботой его броня окончательно дала трещину.

— Дома всё в порядке, служи спокойно, сын, — подвёл итог отец. В его обычно суровом голосе сквозила затаённая грусть. — Синъюань, Сяо Хань, с Новым годом вас!

У обоих парней глаза были на мокром месте.

— С Новым годом! — в один голос выдохнули они.

Короткие гудки возвестили об окончании сеанса связи, но парни ещё долго стояли молча, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами.

— У тебя замечательная семья, — тихо нарушил молчание Хань Жуй.

— При первой же возможности съездим к ним вместе, — Синъюань по-дружески приобнял его за плечи и шмыгнул носом. — Ну всё, пошли наружу. А то ребята решат, что мы тут нюни распустили.

— А разве нет? — поддел его Хань Жуй.

— И в мыслях не было! — тут же пошёл на попятную Синъюань. — Я что, похож на плаксу?

— Вообще ни капли, — с самым серьёзным видом кивнул Хань Жуй. — Ты и есть плакса.

Синъюань завис с полуоткрытым ртом, а затем в шутливой ярости обхватил Хань Жуя за шею, слегка сдавив:

— Ах ты щенок! Да как ты смеешь над командиром отделения насмехаться!

— Ой-ой, боюсь-боюсь! — Хань Жуй ловко выскользнул из захвата, пригнув плечи, и со всех ног припустил по коридору.

— А ну стоять! — взревел Синъюань, бросаясь следом.

Выскочивший на улицу Лянь Чжигу вытаращил глаза от изумления:

— Стоп, это что, Хань Жуй? Когда это он успел стать таким шилом в заднице?

— Шилом? Да он в край обнаглел! — притворно рассердился Синъюань, пробегая мимо. — Лови его, не дай уйти!

Новобранцы, только того и ждавшие, с весёлым улюлюканьем бросились наперерез и быстро прижали Хань Жуя к кирпичной ограде.

Лянь Чжигу, перегородив дорогу, картинно сощурился и выдал гнусную ухмылочку в стиле дешёвых киношных злодеев:

— Ну что, красавчик Хань? Попался в лапы к папочке?

Толпа взорвалась хохотом.

— Давай, Хань Жуй, сдавайся без боя! — кричали из толпы.

Глаза Хань Жуя азартно блестели. Он легко уворачивался от шутливых выпадов товарищей:

— Разбежался! Думаешь, я на первого встречного позарюсь?

— Ишь какой чистоплюй нашёлся! — с ухмылкой крикнул Юй Вэй, заходя с фланга и угрожающе растопырив пальцы, готовый повалить беглеца на снег.

— А то! — Хань Жуй вдруг ловко запрыгнул на стоявший во дворе бетонный стол для пинг-понга и, оттолкнувшись, крутанул в воздухе чистое сальто, приземлившись далеко за пределами кольца окружения.

— Ни хрена себе! — выдохнул кто-то в толпе. — Братуха, да ты акробат!

Хань Жуй победно усмехнулся, рванул вперёд и затормозил прямо перед Синъюанем, который с улыбкой наблюдал за потасовкой. Наглым движением он провёл ладонью по щеке командира отделения и вальяжно выдал:

— А вот эта крошка вполне в моём вкусе!

Парни покатались со смеху.

Синъюань, не растерявшись, немедленно отвесил наглецу лёгкий пинок под зад.

— Ах ты паршивец! Совсем страх потерял?!

— Командир отделения, пощади! — шутливо взмолился Хань Жуй, забавно потирая ушибленное место и отскакивая на безопасное расстояние.

Синъюань лишь рассмеялся, глядя, как раздухарившиеся новобранцы снова устраивают кучумалу, утаскивая Хань Жуя в сугроб.

Возня и хохот не утихали во дворе до самого ужина. Хань Жуй, обычно такой нелюдимый и тихий, сегодня бесился больше всех. Его бледное лицо покраснело от бега и мороза, а в глазах горел живой, искренний огонёк.

Синъюань подошёл к нему, ласково взъерошил мокрые волосы и спросил:

— Ну что, нарезвился?

Хань Жуй с улыбкой кивнул.

— Да. За последние два года это, пожалуй, самый счастливый мой день.

— Привыкай. Здесь все свои, — Синъюань обнял его за плечи, указывая на шагающих впереди ребят, которые шумно обсуждали звонки домой. — Посмотри на них. Мы все из разных мест, у каждого свой характер, свои причуды. Но если ты откроешься им всей душой, они расшибутся в лепёшку, но ответят тебе тем же.

Хань Жуй замолчал, вглядываясь в спины сослуживцев. Какое-то время они шли плечом к плечу, подминая скрипучий снег.

— Спасибо тебе, командир отделения, — тихо произнёс он.

Синъюань удивлённо приподнял бровь:

— За что это вдруг?

— За всё. За то, что не оттолкнул. Я ведь знаю, что характер у меня не сахар.

— Ну, сейчас-то ты заметно исправился, разве нет? К тому же, как любит повторять наш командир роты... — Синъюань уморительно скорчил рожу и гаркнул басом, подражая командиру: — «Я железный ствол автомата грудью отогрею, а уж из упрямого бойца человека сделать — раз плюнуть! Марш обратно в казарму! И пока твой Хань Жуй не станет образцовым солдатом, на глаза мне не показывайся!»

Хань Жуй не выдержал и рассмеялся.

— На самом деле, все здесь отличные ребята.

Синъюань удовлетворённо кивнул. На душе у него было тепло.

— Знаешь, командир отделения... Я очень тебе завидую. У тебя невероятная семья.

Синъюань на секунду замер. Сердце болезненно сжалось от жалости, когда он увидел затаённую, глубокую тоску в глазах своего подчинённого.

— Не надо завидовать. У тебя тоже когда-нибудь будет такая. Обязательно.

Хань Жуй лишь тихо вздохнул, и на его лицо вновь набежала тень грусти.

Синъюань терпеть не мог, когда этот сильный парень превращался в грустного, одинокого брошенного щенка. Он резко хлопнул его по плечу и беззлобно прикрикнул:

— Так, отставить сопли разводить! Нам тут только упаднических настроений не хватало. Шагом марш в столовую, ужин стынет!

— Есть! — во весь голос рявкнул Хань Жуй, словно вымещая с этим криком всю накопившуюся внутри горечь.

— Вот это другой разговор! — Синъюань широко улыбнулся и увлёк Хань Жуя за собой в сторону ярко освещённой армейской столовой.